

МИР ПО ДОРОГЕ — старинное приветствие путешественников. Содержит благопожелание страннику и в то же время намёк, что люди на дороге — своего рода община, «мир», где все помогают друг другу.

Автор сердечно благодарит
Павла Молитвина,
Елизавету Кульчицкую,
Константина Кульчицкого
и
Дмитрия Тедеева
за неоценимую помощь
в разработке некоторых реалий

*Сидим с тобой по сторонам огня.
Наш кров сегодня — только в небе тучи.
Почти со страхом смотрит на меня
Нежданный мой, негаданный попутчик.*

*Он для меня — что запертый сундук.
И явно сам никак понять не может,
Несу ли я в неожиданном взмахе рук
Объятье друга? Или острый ножик?*

*Ты разговор пустой пока что брось...
С рассветом — снова в путь, и, может случиться,
Тропинки наши скоро прянут врозь,
Чтоб никогда уже не повстречаться.*

*Глядишь, мы распростимся завтра днём
И, забыв давние тревоги,
Украдкой с облегчением вздохнём,
Что оказалось нам не по дороге.*

*Как мал тепла и света зыбкий круг...
А дальше — ночь, бескрайняя и злая.
Быть может, ты — мой самый лучший друг,
Да только я о том ещё не знаю?*

*Я не умею прочитать в огне
Грядущего прозрачные страницы,
Где будем мы стоять спина к спине
И пополам делить глоток водицы.*

*Пусть всё идёт, как спрядено Судьбой,
Ведь мы ещё совсем чужие люди,
И что там впереди у нас с тобой,
Давай пока загадывать не будем.*

*Но, дотянувшись из позавчера,
Обоих станет греть в ночи огромной
Далёкий отблеск этого костра,
Что приютил двух странников бездомных.*

1. Усмешка Богини

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Это был уже почти настоящий лес, сменивший мхи и корявые жилистые кустики высокогорья. Низкорослые, невероятно упорные сосенки и берёзки запускали жилистые корни в расщелины камня и лгнули к южным, нагреваемым солнцем бокам больших валунов. А тропа, которую они обступали, из козьей торёнки успела превратиться в хорошую проходимую тропу и готовилась влиться в дорогу, отмеченную следами колёс.

Долина, по дну которой вилась тропа, была ровной и гладкой. В давно минувшие времена здесь полз исполинский змей. Земля под его тяжестью проседала и расступалась. По отвесным склонам, нависавшим слева и справа, ещё можно было видеть отметины, оставленные громадными чешуями. Ледяной змей давно покинул эти места и скрылся в горах, присоединившись к скопищу себе подобных, а долина осталась.

К тропинке выбежал ручей, бравший начало у края ледников. Однажды встретившись, они более не расставались. Тропка по-женски рассудительно, явно зная, куда направляется, вилась между скалами; ручей то напористо подскакивал к ней, то отбегал прочь. И всё пел, говорил что-то. Словно подбадривал...

Босые ноги не оставляли следов на плотном каменном крошewe. Человек по имени Волкодав шёл вперёд

обманчиво-неторопливым, размеренным шагом, изредка оглядываясь на тучу, вползавшую в долину у него за спиной. Катившиеся волны тумана мерцали под луной размытым серебряным молоком, гоня впереди себя волну холодного воздуха. Волкодав просил, чтобы его не провожали. Однако теперь видел, что за ним присматривали напоследок.

Через несколько сотен шагов тропка нырнула вниз и плавно повернула к югу, так что луна повисла прямо впереди.

И здесь долина вдруг кончилась.

Волкодав остановился у края обрыва. Ручей с разбегу вылетал в пустоту и цельной струёй рушился вниз. Падая, прозрачный столб постепенно вспухал и дробился, разлетаясь белыми звёздами. До реки, рокотавшей внизу, падать было не меньше полуверсты.

Тропинка вела себя осмотрительнее. Помедлив на краю, она принималась осторожно спускаться, закладывая широкие петли вправо и влево. Примерно на середине спуска она обнималась с другой тропинкой, пошире, что приходила с востока. Вместе они становились уже настоящей дорожкой, способной принять маленькую повозку.

Проследив её взглядом, Волкодав заметил чёрную тень мостика, устроенного над речным ложем. После мостика дорожка снова начинала карабкаться вверх, петляя по противоположному склону. Чтобы на её перегибах сумела развернуться повозка, требовались умные, крепкие и неробкие лошадки горской породы. У Волкодава лошади не было.

На миг ему привиделись широкие перепончатые крылья, он подумал о могучих симуранах, привыкших перелетать такие долины, не слишком их замечая... Он погнал эту мысль прочь. Прошное следовало оставлять в прошлом.

Смотри вперёд, в будущее. Пока оно не кончится перед тобой, как эта долина.

Помедлив, он сложил наземь заплечный мешок.

Всякая дорога рано или поздно выводит из одного мира в другой. С Этого света на Тот, а иногда и обратно. Волкодав чувствовал, что впереди его ждёт как раз такой переход.

Важное дело не признаёт суеты. Молодой венн опустился на колени. Большеухий чёрный зверёк, сидевший у него на плече, неодобрительно чирикнул, подвижный нос шевелился, втягивая ветерок. Волкодав вытащил из поясного кошелька короткозубый костяной гребень и стал развязывать кожаные ремешки, собираясь расплести косы. Так велел обычай его народа, унаследованный от предков. А те хорошо знали, как вести себя воину на пороге нелёгкого дела, требующего сосредоточения духа.

И Здесь, и Там Волкодаву в своё время довелось хлебнуть лиха.

Когда я прошлый раз пересекал границу миров, меня тащили силком. Сегодня я иду по собственной воле.

Всё-таки он оглянулся через плечо, туда, где высоко над заполненной молочным туманом долиной безмолвно царствовали морозные пики. Кажется, здесь было самое последнее место на дороге, откуда у горизонта ещё были видны три громадных зубца. Волкодав знал, что до смертного часа их не забудет.

Держа в руке гребень, он прикрыл глаза и вдруг увидел весь путь, который ему предстоял. Путь был не особенно долгим. С год, вряд ли больше. И почти прямым. Ну там, один-два поворота. Сперва на юг, в Саккарем. И потом ещё на запад...

В это время дуновение ветерка бросило ему в уши отдалённое эхо человеческих голосов. Волкодав насторожился и понял, что никаких приятных встреч эти голоса ему не сулят. Такими голосами в дурном хмелю подзуживают и подначивают друг дружку на разные непотребства, ему ли было не знать!..

Ну вот. А ведь я только-только вышел туда, где можно встретить людей...

Дорого он дал бы за то, чтобы подольше их не встречать.

Молодой венн ещё несколько мгновений сидел неподвижно, потому что происходившее вдалеке его никоим образом не касалось. Но стоило ему вновь поднять руку с гребешком, как мужским голосам ответил женский. В нём не было испуга и боли, женщина спокойно пыталась усостыжить разошедшихся мужиков, но...

Это был голос матери Волкодава.

Голос, отзвучавший для него семь лет назад.

Рассудок твердил, что венна дурачит шалость горного эха. Или какой-нибудь морок, ютящийся на границе миров. Или причуда его собственной памяти. Или...

Да кто ж его слушал!

Гребень полетел обратно в мешок. Волкодав снялся с места слитным движением, не членившимся на разгибание спины и подъём с колен. Снялся и во все лопатки побежал вперёд по тропе.

Чёрный зверёк только фыркнул и покрепче вцепился в удобный ремешок на его левой косе, так и оставшейся нерасплетённой. Кожаный «насед» немилосердно мотало, зверёк то и дело распахивал крылья. Тогда становилось заметно, что одно крыло разорвано почти пополам.

Перво-наперво Волкодав увидел костерок под нависшей скалой. Рядом пасся смиренный серенький ослик. Длинноухий безмятежно пощипывал жилистую осеннюю травку. Он ничуть не забеспокоился при виде рослого незнакомца, вылетевшего из-за поворота тропы. У огня лежали расшитые перемётные сумы, войлочная подстилка и смятое одеяло. Недобрые гости потревожили чей-то ночлег. Волкодав мимолётно отметил про себя, что хозяйка осла и мешков — не хозяйин, а именно хозяйка — определённо невысокая и хрупкая. Сбавив шаг, он выглянул из-за скалы.

Полная луна светила по-прежнему ярко, бросая резкие тени. Нападавшие — а их было действительно двое — показались венну неразличимыми близнецами. Из таких в Самоцветных горах получались надсмотрщики. Да не совестливые служаки, у которых среди рабов водились друзья, а самые лютые погонялы, гораздые потешиться над безответным невольником. Один из двоих держал в руках... нет, не кнут. Толстое копьё с широким наконечником. Второй поигрывал короткой дубинкой, но больше для остротки. Разбойников ждала лёгкая добыча, на кого тут было особо вооружаться?

От них, спиной к Волкодаву, медленно пятилась тоненькая гибкая девушка в синих шароварах и серой стёганой безрукавке. Лунный свет серебрил густые пепельно-светлые волосы, сколотые на затылке деревянными шпильками. Девушка держала перед собой посох, вскинутый в защитном движении. Ни она, ни разбойники ещё не заметили Волкодава.

— Брось палку-то, дура, — сказал державший копьё. — Смотри, осердимся, на неё и насадим!

— Лучше подумай, как нам понравится, — хохотнул второй. — Тогда мы тебя, может, и не добьём...

Оба говорили по-саккаремски. Для таких, как они, и в Саккареме, и в соседнем Халисуне водилось одно слово: урлаки.

Девушка со вздохом ответила:

— Так-то вы чтите Богиню, Которой поклоняется здешний народ...

В её голосе по-прежнему не было страха, лишь укоризна, но Волкодав не обратил на это внимания. Он услышал достаточно. Качнулось перед глазами дымно-багровое факельное пламя, шарахнулись тени по стенам каторжных подземелий. Зверолюдям с кинжалами и кнутами привезли на потеху рабынь...

Волкодав молча вышел из-за камней. Девушка начала оборачиваться, но он уже миновал её, убирая себе за спину. Рожи нападавших стали запоздало меняться, сквозь

глумливую угрозу пополам с похотью проглянуло удивление, к которому подмешивались начатки испуга. У беззащитной добычи объявился заступник. Да такой, что с ним приходилось считаться.

— Шёл бы ты, парень... — утрачивая решимость, проворчал тот, что похлопывал себя по ладони короткой тяжёлой «дубаской».

Копьеносец, возможно, тоже намеревался что-то сказать, но не сказал, поскольку Волкодав двигался прямо к нему. Самому венну казалось, что он так и идёт прежним размеренным шагом, но женщина, опустившая посох, видела, как он метнулся вперёд и пролетел последние шесть шагов одним звериным прыжком.

Копьё высунулось навстречу, но не успело. Острое «железко» ткнуло воздух там, где уже не было человеческой плоти. Волкодав не стал вытаскивать поясной нож, просто потому, что в его роду не держали обычая даже за самые поносные речи платить сразу клинком. Слова — почти всякие — можно и отозвать. А вот разящего лезвия с полдороги не отзовёшь.

Другое дело, что отец Волкодава, успевший преподавать сыну эту науку, одним кулаком натворить мог побольше, чем иные — с каким угодно мечом...

Разбойнику въехал в подгрудок стенобитный таран. И превратил его лёгкие в мокрую тряпку, более не способную вбирать воздух. Обидчик женщин отлетел в сторону, роняя копьё. Однако он был куда крупней костлявого венна и вдобавок привычен к битью. Волкодав весьма заблуждался, полагая, что для вразумления ему хватит одного удара под дых.

Тем не менее копьеносец временно перестал быть угрозой. Волкодав крутанулся навстречу второму. Он сделал это как раз вовремя, чтобы уловить движение руки, заносящей дубинку. Урлак действовал не по осознанному намерению, а примерно так, как щёлкает пастью животное, слышавшее кусачую муху. То есть очень быст-

ро. Он не успел сообразить, что нарвался на зверя куда страшнее себя. Рука, вскинута для удара, хрустнула в локте, пальцы обмякли и разжались, но удар есть удар — «дубаска», надетая темлячком на запястье, ещё продолжала движение, скользнув по рубахе Волкодава и... окончательно вывернув подбитый сустав.

Урлак взвыл.

Вот и пойми, кому из двоих от того удара было больней.

Девушка следила за быстротечной схваткой, опираясь на посох. Если бы Волкодав мог видеть её лицо, он бы удивился выражению спокойного любопытства, смешанного с некоторой брезгливостью. Так взрослый смотрит на безобидную, но злую свару детей, не поделивших игрушку. Когда копьеносец, щерясь и на шаривая оружие, начал подниматься за спиной Волкодава, конец посоха оторвался было от земли, но сразу опустился обратно. Непрошенный защитник успел уловить движение сзади и вовремя оглянуться. Ну, почти вовремя. Кажется, наконечник копья слегка зацепил рукав на левом плече, но это не имело никакого значения, потому что венн больше никого не собирался щадить. Его кулак вмялся головорезу в висок и отправил никчёмную душу на незамедлительный суд той самой Богини, Которую этот саккаремец так скверно чтит.

Второй, у которого с бесполезного запястья свисала «дубаска», уже удирал. Он пригибался, здоровая рука металась подле больной, порываясь прижать её — и не смея, чтобы ещё хуже не стало. Потом, видимо от лютой боли, у саккаремца на какой-то миг померкло в глазах. Он споткнулся и рухнул с тропы под откос. Именно рухнул, прямой, как утратившее опору бревно. Даже не попытался извернуться или спрятать лицо. Падать было не особенно высоко, не больше сажени, но внизу громоздились расколотые валуны. Их каменные углы были гораздо твёрже непокрытой человеческой головы.

Женщина с посохом услышала и поняла донёсшийся снизу звук. Примерно так лопается скорлупа большого, не до конца вызревшего ореха. Женщина только вздохнула. Злая ссора детей опять кончилась непоправимым. Впрочем, она давно уже не надеялась уберечь всех.

Никогда больше двоим вырождакам саккаремского племени, охочим бесчестить одиноких странниц в ночи, не добраться до Самоцветных гор. Туда, где им вручили бы кнуты и кинжалы, нанимая на проклятую службу...

Волкодав оглянулся, ища глазами девушку, которую поспел оборонить. Нашёл... И то, что он увидел, потянуло у него из-под ног каменистую землю, заставив сесть прямо там, где стоял, — посередине тропы, чего правильному венну, вообще-то, не полагалось бы делать.

Вместо молоденькой девчонки перед ним стояла далеко не юная женщина. Её уже не зазорно было бы честить бабушкой. Волосы, показавшиеся пепельно-светлыми, были высеребрены не лунным светом, а прожитыми годами. Волкодава обманули её движения, гибкие, как у беззаботной девчушки, счастливо не ведающей о старческой косности тела.

А кроме того...

Бросившись в драку, он умудрился самым позорным образом проглядеть ещё двоих человек. Может, именно оттого проглядел, что от них не исходило угрозы. За камнем в лунной тени шевельнулась другая женщина — в платке и длинной рубахе саккаремской горянки. Стоя на коленях, она испуганно обнимала молодого мужчину, беспомощно уронившего светловолосую голову. Парень выглядел жалко. Гольный, избитый до чёрных кровоподтёков, он совсем сполз бы на землю, если бы не обнимавшие руки.

Волкодав снова посмотрел на женщину с посохом. Та обводила глазами осквернённую смертью полянку возле скалы и... сокрушённо покачивала головой.

— Малыш, малыш... — наконец выговорила она по-саккаремски.

Волкодав неплохо знал здешний язык, но в первое мгновение уловил лишь, что голос всё-таки не принадлежит его матери. А странница продолжала:

— Зачем ты убил этих несчастных, малыш?

Венн молча смотрел на неё снизу вверх и тщился что-то сообразить, а она со вздохом добавила:

— Да ещё и сам покалечился...

Он вздрогнул и обнаружил, что, оказывается, стискивает пятернёй левое плечо, а между пальцами течет кровь, густая и чёрная при луне. Скверная была рана. Из тех, что нескончаемо сочатся то сукровицей, то гноем и никак не хотят заживать, а сросшись наконец, оставляют багровые пиявки шрамов, высасывающие подвижность и силу.

Кончик посоха легонько прикоснулся к его колену, и венн вскинул глаза.

— Поднимайся, глупенький, — сказала женщина. — Пошли посмотрим, что там у тебя. Сам встанешь?

Белобрысый между тем слабо зашевелился, пытаясь если не подняться, то хотя бы ползти. Волкодав подошёл к нему, нагнулся и поставил на ноги. Тот охнул, замычал и схватился за его рубашку, но устоять не было силы, голова клонилась на грудь. Венн обхватил его поперёк тела, перенёс к костру и усадил на войлочную подстилку.

— Спасибо, добрый господин, — тихо отозвалась горянка.

У неё из-под сбившегося волосника тоже поблёскивало серебро и на щеках залегли морщины, оставленные прожитыми годами. Но и её голос не был голосом матери Волкодава.

...Двое молодых мужчин и две женщины, годившиеся им в бабки. Все четверо происходили из очень разных народов. Не самое обычное общество, какое можно увидеть ночью в горах, возле костра под скалой. Причём, как вскоре понял венн, остальные трое были знакомы между собой не намного дольше, чем он с ними.

Он сидел у огня, поджав ноги и всё так же стискивая ладонью плечо. Странница, раскрыв кожаный кошель, смешивала в маленькой чашке невесомые блестящие порошки.

Она журила меня, точно мать, она назвала меня малышом, да ещё и глупеньким, почему? И с какой стати мне кажется, что именно такого слова я заслужил?..

Рука — что рука, тьфу на неё, зарастёт, куда она денется. Худшие раны доводилось на себя принимать. А вот повадки женщины были ему непонятны, и это тревожило.

— Так чего ради ты полез не в своё дело, малыш?

Они умышляли на тебя, госпожа, хотел сказать Волкодав, но вовремя сообразил, что сложил губы не для речей, а для свиста, и, спохватившись, почёл за лучшее промолчать. Тем более что вслух рассуждать об очевидном — всё равно без толку.

Странница кивнула, не отрываясь от своих порошков.

— Умышляли, — ни дать ни взять подслушав мысли венна, сказала она. — Но ничего ведь не сотворили. За чем же ты их убил?

Не в силах понять, Волкодав замолчал ещё крепче прежнего.

Светловолосый, умытый и закутанный в тёплое одеяло, лежал с закрытыми глазами. То ли спал, то ли молча терпел немощь и боль. Странница извлекла откуда-то серебряную трубочку, наполнила её смесью и опустила на корточки. От неё пахло сухими травами, ни одну из которых венн не взялся бы назвать, а ещё — сыромятной кожей и пчёлами. Она улыбнулась Нелетучему Мышу, сидевшему на плече Волкодава. Зверёк на всякий случай развернул крылья, но любопытство пересилило. Он обнюхал протянутую руку и, во всяком случае, позволил прикоснуться к хозяину.

— Это действительно были очень скверные люди, и ты не мог знать, что нам не грозила опасность, — словно оправдывая Волкодава, проговорила странница. — Когда

я скажу, отнимешь ладонь и приоткроешь рану, чтобы лекарство проникло внутрь. Сумеешь? Давай.

Пальцы ослабили хватку. На плече распахнулись мокрые красные губы. Полотняный рукав мигом промок до завязок. Волкодав мимолётно подосадовал о рубашке, испорченной в самом начале пути. Больше ни о чём подумать он просто не успел, потому что женщина резко и сильно дунула в свою трубку, и блестящее облачко залепило жадный рот раны.

Лучше бы она ткнула в него головнёй, выхваченной из костра.

Боль вгрызлась в кости и плоть, оборвала дыхание и, вышибая слёзы из глаз, заполнила всё тело от макушки до пяток. Волкодав ахнул и не двинулся с места, потому что дёргаться у лекаря под руками — самое последнее дело. Он уже решил, что эта боль — навсегда, но она постепенно затихла.

К венну неспешно вернулся дар слышать и понимать.

— ...Ласковый, — приговаривала странница. — Но я его берегу для тех, кому он нужней. Например, для рожениц.

Волкодав скосил глаза посмотреть, есть ли ещё у него левая рука, и увидел, что порошок запер кровь, покрыв рану тугой пузырчатой плёнкой. Лекарка поддела её ногтем. Корочка отвалилась вся целиком, оставив чистую плоть. Не тратя времени даром, женщина смазала рану пахучей липкой смолой. Наверное, это опять было больно, но обух той первой муки настолько добротнo оглушил тело, что Волкодав почти ничего не почувствовал. Смуглые пальцы в затейливых перстнях морщин свели разорванные железом края. Ему опять велено было держать, а в руках женщины появилась иголка.

Всякий зверь понимает, когда ему делают добро. Волкодав уже откуда-то знал: рана заживёт так надёжно и хорошо, как ей, в общем-то, не полагалось, и станет напоминать о себе лишь тоненьким белым швом, совсем незаметным зимой, когда с тела сходит загар.

Страница кончила возиться и умело перевязала плечо.

— Ты куда, малыш? — удивилась она, видя, что Волкодав начал вставать. Спросила так, словно имела на то полное право.

Не надеясь выговорить внятный ответ, Волкодав мотнул головой в сторону тропки.

В самом деле, только мести неупокоенных душ ему ещё не хватало.

Левая рука была бесполезна, но для того, чтобы оттащить подальше два тела и завалить их камнями, вполне хватило и правой. А то мало тяжёлых глыб он перетаскал там, куда эти двое так и не добрались.

Лекарка между тем склонилась над светловолосым.

Она мудра и многое ведаёт, закидывая на кучу последний валунок, сказал себе венн. Она доверчива и добра. Она слишком готова видеть добро в других, даже во мне. Такие не живут долго на свете, если у них нет защитника. Я пойду с этими людьми и провожу их до какого-нибудь поселения. Мои дела подождут.

Приметив неподалёку заплечный мешок, брошенный кем-то из разбойников, он распутал кожаные тесёмки и вытряхнул содержимое наземь.

Ему под ноги выкатилась деревянная, удивительно благородной формы чашка с костяной ложкой тонкой и красивой работы. Следом выпал ком мягого тряпья. Волкодав тронул его ногой, и из тряпья, звякнув, выпал серебряный браслет. Венн поднял его. По светлому обручу бежали резные изображения изменчивого лика Луны — от новолуния к полнолунию и обратно. Волкодав никогда прежде не видел таких, но был наслышан. Он развернул тряпье. Оно оказалось мужской рубашкой, смотанной в один ком со штанами. Именно смотанной — кое-как, второпях. Люди так не поступают с одеждой, купленной за деньги. И подавно — с вытканной дома. Волкодав прищелкнул языком. Крой одежды сильно отличался от саккарем-

ского. А ещё на ткани темнели очень хорошо знакомые пятна. Кровь. Он принюхался. Чужая кровь была достаточно свежей.

Страница покинула костерок и вышла за ним к месту схватки. При луне она снова показалась ему девочкой. Она взяла у него браслет, повертела в руках и сокрушённо сказала:

— Эти несчастные заблудились на пути жизни ещё беспросветней, чем мне казалось вначале. Они подняли руку на жреца!

Или ограбили того, кто прежде них святого человека убил, добавил про себя Волкодав, но вслух ничего не сказал. Чего ради открывать рот, если в том нет крайней нужды.

— Эй, Айсуран! — обернувшись к костру, окликнула странница. — Тут не твоего мальчика одежда? Браслет жреческий?..

Венн запоздало сообразил, что жестоко покалеченный парень в самом деле — насколько за синяками удавалось распознать черты — мог сойти за белобрысого жителя Халисуна. А там, как известно, поклонялись Лунному Небу.

Во дела! Саккаремка наследного врага от разбойников берётся оборонять, по горам его на себе волочёт, как внука родного... Может, на свете что-то стряслось, а я и не знаю?

Вернувшись к костру, странница извлекла из перемётной сумы горшок и сняла с него крышку. Волкодав уловил тёплое дыхание подошедшего теста. Оторвав кусочек, женщина ловко скатала в ладонях колбаску и намотала на палочку. Потом ещё и ещё.

— Мои братья и сёстры служат Кан Милосердной, — сказала она, укрепляя палочки в камнях, чтобы хлебные завитки румянились над рдеющими углями. — Мы странствуем во имя нашей Богини, постигая мудрость и красоту мира. Мы смиренно помогаем всякому, кто нуждается в помощи. Люди называют меня Кан-Кендарат.

— О, так ты жрица, — силло прошептал белобрысый. — Боги благословили эту тропу...

Он силился улыбнуться, но губы слушались плохо. В щёлочках заплывших глаз отражалась одна боль.

— Божественный смысл порой ускользает от смертных, — вздохнула мать Кендарат и покосилась через плечо туда, где смутно виднелась большая куча камней. — То, что кому-то — благословение, другому может показаться несчастьем... Ты ведь и сам носишь жреческий браслет, сын Лунного Неба?

От Волкодава не укрылось, с каким напряжённым вниманием горянка Айсуран смотрела на юношу, ожидая ответа. То, что мог произнести халисунец, почему-то очень много значило для неё. Волкодав и сам не отказался бы узнать, какая нелёгкая занесла чужеземного жреца в Саккарем, да ещё в подобную глушь. Он укорил себя за праздное любопытство. Ему ни малейшего дела не было ни до белобрысого, ни вообще до кого из этих людей. Он проводит их до ближайшего жилья и распрощается. Хватит уже и того, что помстившийся голос бросил его в чужую драку... притом зря, если верить этой... как её... Кан-Кендарат.

— Ношу, но не на руке, а лишь в сумке, поскольку у меня нет на него законного права, — по-прежнему шёпотом, останавливаясь передохнуть, выговорил халисунец. — Я всего лишь нерадивый сын пекаря... — Он шевельнул рукой с зажатым в ладони браслетом. — Госпожа, ты бросишь его в глубокое озеро, если Лан Лама унесёт Иригойёна, младшего в роду Даари?

Айсуран вздрогнула и потянулась к нему, словно приготовившись защищать Иригойёна от халисунского провожатого душ, вздумай тот прямо сейчас явиться перед ними в свете костра.

— Думается, Праведные Небеса твоей веры тебя всё-таки подождут, — поворачивая палочки другим боком, усмехнулась мать Кендарат. — Ну а ты, почтенная сестра

моя? — обратилась она к горянке. — Можем ли мы как-то утолить нужду, выгнавшую тебя из-под крова?

Хлебные колбаски всюю подрумьянились, испуская самый лучший, по мнению Волкодава, запах на свете. Нелетучий Мыш уже перебрался хозяину на колено и откровенно облизывался, жадно шевеля носом.

— Я ходила помолиться у святой могилы неподалёку, — тихо ответила Айсуран. — И мне даже показалось, что Богиня, Зрячая на Лозы, меня услышала...

— По ночным горам! — неодобрительно качнула головой Кан-Кендарат. — В одиночку! Должно быть, зря врут люди, будто в ваших краях не слишком спокойно?

Горянка улыбнулась:

— Сама ты не так ли странствуешь, почтенная госпожа?

— Милосердная Кан ограждает меня от опасностей, подстерегающих одинокого путника.

— Твоя Богиня могущественна, но и Заступница Саккарема умеет оградить Своё племя, — с достоинством ответила Айсуран. — Государь Менучер в самом деле ведёт бой с непокорными, так что многие боятся сюда заезжать. Однако мой народ никто не трогал даже во дни Последней войны. Эти горы — наш дом, а чего мне бояться у себя дома?

Волкодав опустил глаза. *Где оно, такое место, где мужчина может спокойно отправиться в путь, доподлинно зная, что в его отсутствие избу не сожгут и не ограбят враги, где женщина, встретив в ночных горах чужого мужчину, радушно и безбоязненно говорит ему «здравствуй»?*

Волкодав очень хотел бы там жить... Он даже думал когда-то, что его родной дом и был этим сокровенным, Богами оберегаемым местом. Все дети так думают, если только судьба к ним хоть сколько-нибудь справедлива. Теперь ему трудно было поверить, что подобный край существует где-нибудь на земле. И он помнил испуг в глазах Айсуран, когда та смотрела на него после схватки с разбойниками.

Содержание

1. УСМЕШКА БОГИНИ.....	9
2. ОТХОЖИЕ ЗЕМЛИ	87
3. ДАР-ДЗУМА.....	133
4. МУРАВЬИ В ЯНТАРЕ.....	209
5. ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ	257
6. ТРОЕ В КАМНЕ	303

Семёнова М.

С 30 Волкодав : Мир по дороге : роман / Мария Семёнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 352 с. — (Миры Марии Семёновой).

ISBN 978-5-389-07354-8

Цикл романов о Волкодаве давно стал классикой современной российской фэнтези. Книга «Мир по дороге» — прямое продолжение романа «Истовик-камень».

После семи лет в самых страшных забоях Самоцветных гор Волкодав отвоевывает свободу. Спустя примерно год он пускается в путь, чтобы отдать должное погибшим друзьям и поквитаться с обидчиками. Ему кажется, что тщательно обдуманное путешествие продлится всего лишь несколько месяцев. И что он справится с намеченными делами один, без помощников.

Как же он ошибается...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

МАРИЯ СЕМЁНОВА
ВОЛКОДАВ
МИР ПО ДОРОГЕ

Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Дмитрий Гуляев, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 02.03.2020.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MSN-15369-08-R